

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.С. Глаголев

Происхождение жизни

Опубликовано:

Христианское чтение. 1898. № 2. С. 169-188.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ.

ВОПРОСЪ о происхожденіи органической жизни въ послѣдніе годы привлекъ къ себѣ особенное вниманіе русской печати: и ежемѣсячные журналы и ежедневныя газеты посвящали и продолжаютъ посвящать ему цѣлые ряды статей, вопросъ пересталъ быть исключительнымъ достояніемъ специалистовъ и специальныхъ изданій, и разносторонія обсужденія его предлагаются вниманію общей публики ¹⁾). Безъ сомнѣнія такъ и должно быть, ибо то или иное рѣшеніе этого вопроса, кромѣ естественно-научнаго интереса, имѣетъ еще и религіозно-философскую важность. Но такимъ этотъ вопросъ былъ и признавался давно и остается не совсѣмъ понятнымъ, почему именно въ послѣднее время онъ сталъ предметомъ усиленнаго вниманія. Можетъ быть побужденіемъ заставившимъ русскихъ натуралистовъ обратиться къ этому вопросу послужило появленіе нѣкоторыхъ

¹⁾ Назовемъ нѣкоторыя изъ работъ, посвященныхъ этому вопросу: *Тарханова*, Продолжительность жизни (Вѣстникъ Европы 1892), *Вородина*, Протоплазма и витализмъ (Міръ Божій), *Тимирязева*, Витализмъ и наука (Русская Мысль 1894), *Н. С.*, Изъ области науки (изложеніе взглядовъ Сабатье (Русскія Вѣдомости 1894), *Карножицкаго*, Кристаллографія и начала органической жизни (Научное Обзорѣніе 1895), *Г. Г.*, О происхожденіи жизни (Русское Слово 1895), *Гольдштейна*, Мертвое и живое (Міръ Божій 1896), *Дамлевскаго*, Живое существо (Вѣстникъ Европы 1896), *Кузнецова*, О витализмѣ и матеріализмѣ (Ученыя записки императорскаго юрьевскаго университета 1896). Было много и иныхъ статей и брошюръ (изъ послѣднихъ любопытна брошюра Чермана, предлагающая теорію вихреобразной сущности жизни). Затѣмъ вопросъ этотъ затрогивался почти во всѣхъ выходившихъ курсахъ по общей зоологіи и физиологіи растений и животныхъ

фізіологическихъ работъ на западѣ, въ которыхъ утверждалось, что явленія всасыванія и питанія не могутъ быть вполне объяснены изъ началъ капиллярности, волосности, эндосмосма и экзосмосма, т. е. изъ началъ механическихъ и что для объясненія жизненныхъ процессовъ должно вернуться къ старому предположенію объ особой силѣ управляющей этими процессами. Русскіе натуралисты въ своемъ большинствѣ уже издавна являются сторонниками механическаго міровоззрѣнія, согласно которому для объясненія происхожденія всего органическаго міра, не исключая и человѣка, достаточно тѣхъ началъ, которыя изучаютъ физика и химія. Понятно, что въ указанныхъ западныхъ работахъ по фізіологіи они увидели походъ противъ дорогихъ имъ принциповъ и вѣрованій, и ихъ статьи явились естественнымъ отпоромъ этимъ работамъ. Можетъ быть къ этому побужденію поговорить съ русскимъ обществомъ о происхожденіи жизни у нихъ присоединились еще и другія, этого мы не знаемъ.

Но вотъ, что намъ представляется несомнѣннымъ: весь этотъ пестрый рядъ журнальныхъ и газетныхъ статей общей печати о происхожденіи организмовъ не даетъ удовлетворительнаго отвѣта на изслѣдуемый вопросъ. Многие въ этихъ статьяхъ повергнетъ читателя въ недоумѣніе и многое возбудитъ въ немъ непріятныя чувства: непонятнымъ покажется читателю, для чего авторъ, взявшійся разъяснить, что органическая жизнь естественнымъ образомъ возникла изъ неорганическихъ веществъ, говоритъ о какомъ то мистицизмѣ, о которомъ извѣстно (кому?), что онъ принесъ много вреда наукѣ¹⁾; загадочною представится читателю теорія біогеннаго эфира, которую предлагаетъ ему другой авторъ для объясненія явленій жизни²⁾; наконецъ едва ли кому покажется справедливымъ и приличнымъ заявленіе третьяго автора, что сторонники существованія особой жизненной силы заслуживаютъ названіе свиней естествознанія³⁾. Но неумѣстные походы противъ религиозныхъ вѣрованій, которыя, надо полагать, разумѣются подъ прикровепнымъ именемъ мистицизма, брань и фантастическія гипотезы, все это можно бы было извинить авторамъ, если бы они—не говоримъ: сказали бы что нибудь новое и дѣльное по изслѣдуемому вопросу, по

¹⁾ Гольдштейнъ, Мертвое и живое. „Міръ Божій“, 1896 № 4.

²⁾ Данилевскій, Живое вещество. „Вѣстникъ Европы“, 1896 № 5.

³⁾ Тимирязевъ, Витализмъ и наука. „Русская Мысль“ 1894 № 11.

если бы они только постарались выяснитъ вопросъ и возможно точнѣе его поставить. Къ сожалѣнію, большинство доселѣ не обнаружило желанія это сдѣлать. Между тѣмъ съ этого слѣдовало бы начать. Настоящій трудъ представляетъ собою скромную попытку вернуться къ этому началу

I.

Много словъ въ мірѣ и нѣтъ ни одного изъ нихъ безъ значенія, говорилъ мудрецъ древности. Много словъ трудно запомнить, но въ настоящее время каждое слово имѣетъ много значеній и поэтому слова часто бываетъ трудно понимать. За методомъ для выясненія словъ приходится обращаться къ китайцамъ: у нихъ одни слова поясняютъ другія, этимъ способомъ приходится пользоваться и намъ; недорозумѣнія въ пониманіи словъ влекутъ за собою перазумные и праздные споры, ихъ должно по возможности избѣгать. Постраемъ выяснитъ, что должно понимать въ изслѣдуемомъ нами вопросѣ подъ словами «происхожденіе» и «жизнь», чтобы по возможности не подать повода къ недоразумѣніямъ.

Найти происхожденіе чего-либо согласно пониманію современной науки значитъ показать, что это что-либо существовало и ранѣе, но лишь въ другой формѣ. Это опредѣленіе можетъ показаться отчасти непонятнымъ и отчасти парадоксальнымъ. Разъясимъ его примѣрами. Мы замѣтили на небѣ маленькое бѣлое облачко, ранѣе его не было; мы спрашиваемъ—какъ произошло оно? Метеорологъ объяснитъ намъ происхожденіе такимъ образомъ: это облачко представляетъ собою соединеніе водяныхъ паровъ, которые были въ воздухѣ ранѣе, чѣмъ возникло облачко, они двигались по воздушному пространству по направленію къ тому мѣсту, гдѣ мы теперь видимъ облако, изъ разныхъ пунктовъ, ими двигали инерція и сила притяженія. Что же представляетъ собою *происшедшее* облачко? Одинъ моментъ изъ исторіи движенія водяныхъ паровъ, которые, имѣя различныя скорости и различныя направленія движенія, оказались въ данный моментъ сблизившимися другъ съ другомъ въ одномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ облако представляетъ собою только новую форму стараго бытія. Вершина утеса выдвинувшася надъ моремъ покрылась мхомъ. Здѣсь повидимому явилось что-то

новое, но это только повидимому мохъ представляет собою главнымъ образомъ соединеніе частицъ углерода, кислорода, водорода и азота, изъ которыхъ каждая одарена извѣстнымъ количествомъ движенія. Двигаясь по всевозможнымъ направленіямъ въ пространствѣ, частицы названныхъ элементовъ соединились во мху въ данномъ мѣстѣ, потому что сюда ихъ привели инерція и взаимное притяженіе. Этотъ мохъ такое же преходящее явленіе, какъ и облачко, только здѣсь труднѣе выяснитъ, какъ произошло преобразование прежней формы бытія въ новую. Ближайшее изслѣдованіе происхожденія мха въ данномъ мѣстѣ покажетъ, что вѣтеръ или вода занесли на скалу споры мха, и что, найдя въ окружающей средѣ все нужное для своей жизни, споры проросли и явился мохъ. Но откуда явились сюда споры? Изъ какого-либо другаго мѣста, гдѣ ихъ произвелъ мохъ. А откуда явились споры, изъ которыхъ выросъ мохъ тамъ? Ставя такіе вопросы, должно необходимо придти къ отвѣту, что существованіе подобныхъ споръ не могло идти въ безконечность, онѣ являются нѣкоторою модификаціею вещества и когда-либо, слѣдовательно, инерція и взаимопритяженіе атомовъ создали, если не прямо спору мха, то нѣчто, что подобно спорѣ обнаружило склонность къ росту и размноженію, стало жить и производить жизнь и, размножаясь и вслѣдствіе внѣшнихъ условій осложняясь, достигло формы моховой споры. Такимъ образомъ, изучая исторію мха и двигаясь назадъ въ прошедшее, мы должны въ концѣ концовъ дойти до момента, когда неорганическіе элементы, изъ которыхъ состоитъ мохъ, соединившись, дали начало первому органическому родоначальнику мха; неживое вещество, т. е. такое, въ которомъ происходили лишь механическіе процессы—мы пока не даемъ точнаго опредѣленія—превратилось въ живое, въ которомъ начались процессы фізіологическіе. Мы объяснимъ происхожденіе этого первоорганизма, когда покажемъ, что его произвели тѣ же механическіе факторы (движеніе, притяженіе), которые и всегда дѣйствуютъ въ неорганическомъ мірѣ и что для пониманія явленій происходящихъ въ немъ нѣтъ нужды обращаться къ предположенію иныхъ началъ кромѣ тѣхъ, которыя знаетъ механика. Тогда нашъ первоорганизмъ, какъ и водяная волна, будетъ представленъ, какъ свободное своеобразное сочетаніе частицъ, приведенное въ своеобразное молекулярное движеніе механическими агентами, онъ окажется

тогда случайной новой формой старой вѣчно-неизмѣнной матеріи. Факторы, произведшіе эту форму, окажутся тоже извѣстными, старыми, въ сущности всѣ они сводятся къ одному — движению. Такъ происхождение жизни, проявляющей себя во мхѣ, будетъ найдено, когда будетъ показано, что эта жизнь есть неизбѣжное слѣдствіе сочетанія тѣхъ условій, которыя въ отдѣльности существовали и ранѣе, т. е. когда будетъ показано, что жизнь есть функція матеріи и движенія, результатъ своеобразнаго сочетанія атомовъ.

Опредѣляя такъ происхождение жизни, мы принимали слово «жизнь», какъ само собою понятное. Оно таковымъ и является въ дѣйствительности. Всякій скажетъ, что растение и камень различаются между собою тѣмъ, что первое живетъ, а второе нѣтъ, различіе между розой и гранитомъ представляется яснымъ и неоспоримымъ. Но когда это непосредственно чувствуемое различіе пытаются выразить въ логической формѣ, то возникаютъ затрудненія. Въ курсахъ по физиологіи и въ монографіяхъ по физиологіи мы встрѣчаемся съ десятками опредѣленій жизни и нерѣдко съ заявленіями, что строго логическаго опредѣленія факта жизни дать невозможно. Мы не будемъ ни приводить, ни разбирать этихъ опредѣленій. Въ значительной мѣрѣ они почти всѣ должны быть признаны вѣрными, каждое изъ нихъ — за исключеніемъ очень немногихъ — подчеркиваетъ существенную черту, отличающую живое отъ неживаго, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою тавтологію, вродѣ: жизнь есть жизнь, или: жизнь есть совокупность условій, сопротивляющихся смерти; но тавтологія, не заключая въ себѣ никакого содержанія, не заключаетъ и лжи ¹⁾. Не оспаривая опредѣленій жизни предлагаемыхъ

¹⁾ Признавая, что опредѣленія жизни, предлагаемыя физиологами только не полны, мы должны отмѣтить, что опредѣленія жизни, даваемые философами, часто совершенно неправильны. Наприм., г. Влад. Соловьевъ опредѣляетъ жизнь такъ: „жизнь есть такой способъ существованія, въ которомъ множественность частей и различіе формъ даннаго цѣлаго связываются цѣлесообразно извѣстнымъ единствомъ, находящимся въ самомъ этомъ цѣломъ, а не полагаемомъ извнѣ“ (Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона. 22-й полутомъ, стр. 948). Если руководиться этимъ опредѣленіемъ, то всѣмъ растеніямъ нужно отказать въ признакъ жизни. На одной яблонн можно привить три сорта яблокъ, гдѣ же здѣсь единство? Лишай до Дебари выдѣлявшіеся ботаниками въ особый классъ, представляютъ собою симбіозъ грибовъ (преимущественно сумчатыхъ) и водорослей (гонидій), но индивидуальность грибовъ и водорослей здѣсь утрачены. Признакъ единства или индивидуальности вообще не присущъ растеніямъ, въ деревѣ скорѣе можно видѣть собраніе индивидуумовъ (не могущихъ существовать отдѣльно отъ дерева), чѣмъ индивидуумъ.

физиологами, мы не можемъ согласится съ тѣми изъ нихъ, которые говорятъ, что нельзя дать точнаго опредѣленія жизни, которое указывало бы такой признакъ, который отличалъ бы *все живое отъ всего неживаго*; мы попытаемся теперь привести опредѣленіе, на точности котораго настаиваемъ.

Мы полагаемъ, что жизнь должна быть опредѣляема, какъ *процессъ, состоящій въ томъ, что вещество уподобляетъ себя окружающую среду*. Все живое питается и размножается; принимая въ себя постороннія вещества, живое дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что оно есть само, въ размноженіи все живое стремится повторять само себя. Самая простѣйшая форма, въ которой проявляетъ себя жизнь есть растительная клѣточка. Элементарная анатомія клѣточки такова: замкнутая оболочка, внутри которой содержится полужидкое вещество (протоплазма), въ которомъ находится небольшое твердое тѣльце (ядро). Существуетъ много одноклѣточныхъ организмовъ; таковы многія одноклѣточные водоросли. Ихъ жизнь заключается въ слѣдующемъ: изъ окружающей среды сквозь оболочку въ клѣточку проникаютъ по закону диффузіи газообразныя вещества и соли въ растворъ, здѣсь они вступаютъ въ химическое соединеніе съ содержимымъ клѣточки и уподобляются ему, лишнее путемъ диффузіи выходитъ изъ клѣточки (наприм., кислородъ, освобождающійся вслѣдствіе разложенія углекислоты), но въ общемъ въ клѣточку входитъ всего гораздо болѣе, чѣмъ изъ нея выходитъ, вслѣдствіе чего она увеличивается. Затѣмъ въ клѣточкѣ происходитъ рядъ механическихъ процессовъ, вслѣдствіе которыхъ изъ одного ядра въ клѣточкѣ образуются два, между этими ядрами вырастаетъ пленка такая же, какъ оболочка клѣточки, и клѣточка распадается на двѣ, изъ которыхъ каждая затѣмъ начинаетъ жить самостоятельную жизнь. Таковъ процессъ жизни въ одноклѣточныхъ организмахъ. Въ многоклѣточныхъ организмахъ жизнь въ сущности сводится къ тому же, только тамъ въ отправленія клѣточекъ внесено болѣе раздѣленія труда. Это раздѣленіе труда или, говоря иначе, раздѣленіе отправленій мы видимъ уже и въ одной клѣточкѣ: въ ней много различныхъ химическихъ соединеній, обусловливающихъ физическое различіе составляющихъ ее частей. Различныя физически и химически тѣла находятся въ клѣточкѣ въ такомъ соединеніи, что изъ нея почти ничего не выходитъ нужнаго ей, а въ нее открытъ свободный притокъ извнѣ полезнаго для нея. Понять возможность такого

механизма, который беретъ, но не отдаетъ, не трудно: припомнимъ изъ физики хотя бы нагнетательный насосъ; понять, почему клѣточка беретъ извнѣ только нужное для нея, то же неособенно затруднительно: припомнимъ изъ физики законъ диффузіи. Частицы газовъ, а затѣмъ и жидкостей стремятся равномерно разсѣяться въ пространствѣ, притомъ онѣ обладаютъ способностію проникать черезъ перепончатыя перегородки, каковую перегородку представляетъ собою и оболочка клѣточки. Проникнувъ въ клѣточку, нужныя ей вещества преобразуются въ новыя соединенія, которыя уже не могутъ проходить черезъ перепончатыя перегородки. Вслѣдствіе этого нужныя клѣточкѣ вещества снова будутъ устремляться къ ней и проникать въ нее, ибо ихъ тамъ нѣтъ (онѣ перешли въ новыя соединенія), а онѣ стремятся къ равномерному распредѣленію; ненужныя же, проникнувъ въ клѣточку въ незначительномъ количествѣ, перестанутъ притекать болѣе, потому что и внѣ клѣточки находятся въ такомъ же количествѣ, какъ и внутри ея, между ними установится равновѣсіе. Понятно, для того, чтобы быть такимъ механизмомъ, который принимаетъ въ себя все нужное и выбрасываетъ изъ себя негодное, одноклѣточный организмъ долженъ быть въ сущности очень сложнымъ комплексомъ частей и химическихъ соединеній. Онъ такимъ и является. Въ многоклѣточныхъ организмахъ это раздѣленіе на различныя части (органы и полости) выступаетъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по біологической лѣстницѣ. Но все это разнообразіе органовъ и внѣшняго строенія, все это разнообразіе внѣшнихъ формъ приспособлено лишь къ одной цѣли, чтобы изъ внѣшней среды въ организмъ входили нужныя вещества и уподоблялись ему. Все, съ чѣмъ организмъ вступаетъ во взаимоотношеніе, онъ стремится уподобить себѣ и, увеличиваясь въ объемѣ и размножаясь, онъ стремится превращать въ себя все большее и большее количество вещества; мохъ въ самое короткое время покрылъ бы весь земной шаръ своимъ унылымъ покровомъ, если бы онъ не встрѣчалъ себѣ противодѣйствія со стороны другихъ растительныхъ организмовъ. Внѣшнія неблагоприятныя условія и противодѣйствіе другихъ организмовъ препятствуютъ стремленію каждой органической особи уподобить себѣ окружающее. Многіе философы существеннымъ признакомъ организма считаютъ его стремленіе къ самосохраненію. Спенсеръ на этомъ началѣ пытается строить все зданіе своей философіи.

Такой взгляд опирается на плохое знание и понимание природы. Самосохранение предполагает собою косность и неподвижность, но организм непрестанно стремится расширить область своего существования, чужое сдѣлать своимъ, мало этого—не себя сдѣлать собою.

Можетъ быть нѣкоторые возражаютъ намъ, что наше опредѣленіе жизни, подходя къ растеніямъ, которыя растутъ и размножаются до смерти, не подходитъ къ многимъ животнымъ и человѣку: они растутъ не болѣе одной трети времени всей своей жизни и многіе изъ нихъ теряютъ способность размноженія за долго до смерти. На это мы скажемъ, что прекращеніе роста не есть еще прекращеніе уподобленія себѣ окружающаго, а потеря способности къ размноженію есть уже признакъ умиранія, она не является нормальностію. Съ физической стороны жизнь всѣхъ организмовъ характеризуется уподобленіемъ организмомъ себѣ окружающаго: человѣкъ ѣстъ мясо быка и превращаетъ это мясо быка въ человѣческой и человѣческіе организмы; быкъ ѣстъ сѣно и въ лабораторіи его организма сѣно превращается въ мясо; трава, изъ которой образуется сѣно, углекислоту воздуха, соли и воду земли уподобляетъ себѣ. Но если органическая жизнь стремится сдѣлать все подобною себѣ жизнию, то неорганическая природа безусловно лишена этого стремленія. Этой природѣ дѣйствительно можно приписать стремленіе — если только слово стремленіе идетъ въ данномъ случаѣ — къ самосохраненію. Неорганическій предметъ никогда не измѣнится самъ, если не измѣнять внѣшнія условія. Напрасно говорятъ, что кристаллы растутъ, они не растутъ, а увеличиваются въ объемъ чрезъ прибавленіе къ нимъ новыхъ кристаллическихъ частицъ: изъ раствора, въ которомъ находится кристаллъ, выдѣляются твердыя частицы, осаждаются на его поверхности, соединяются съ нимъ силою сдѣленія и образуютъ кристаллъ большаго объема; кристаллъ не является здѣсь лабораторіею уподобляющею себѣ среду, но самъ создается средою и затѣмъ на немъ отлагаются дальнѣйшіе продукты дѣятельности этой среды. Свойства поверхностей кристалла могутъ вліять на распорядокъ частицъ осаждающихся на немъ и даже иногда обусловливать форму кристаллографической системы, которую онѣ принимаютъ, но, очевидно, здѣсь нѣтъ ничего сходнаго съ зависимостью формы рожденнаго организма отъ рождающаго.

Такъ, мы полагаемъ, есть рѣзкій признакъ, проводящій демаркаціонную линію между неорганическимъ и органическимъ міромъ. Найти, какимъ образомъ коность неорганическаго вещества переходитъ въ стремленіе къ уподобленію себѣ окружающихъ веществъ значитъ объяснить происхожденіе жизни, но не всей жизни, а только растительной; между тѣмъ на землѣ кромѣ растений существуютъ еще животныя и человѣкъ, и если рѣшеніе вопроса о происхожденіи водоросли есть вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе вопроса о происхожденіи розы, то оно не есть рѣшеніе вопроса о происхожденіи инфузоріи. У большинства натуралистовъ нашего времени мы найдемъ утверженіе, что между растительнымъ и животнымъ міромъ не проходитъ рѣзкой разграничительной линіи, что въ природѣ существуютъ организмы, относительно которыхъ трудно рѣшить—растенія ли они или животныя, что различіе между дубомъ и осломъ только количественное, а не качественное (?). Но какъ бы рѣшительно и упорно натуралисты не отрицали существованія различія между растеніями и животными, на самомъ дѣлѣ въ глубинѣ своей души они сознаютъ его, и человѣчество всегда сознавало и признавало его, хотя бывали попытки отрицать его вопреки очевидности. Различіе это таково: *растенія лишены способности ощущеній, животныя владѣютъ этою способностію.* Имѣтъ способность ощущеній значитъ быть способнымъ чувствовать пріятное или непріятное, представлять такъ или иначе причины, вызывающія эти чувствованія, стремиться сохранять чувствованія пріятныя и устранять непріятныя. Сила и отчетливость ощущеній могутъ быть очень различными—и очень большими и очень малыми, но у растений ихъ нѣтъ совсѣмъ, а у животныхъ—у различныхъ въ весьма различной мѣрѣ—они существуютъ. Отсюда рѣзкое различіе между растительной и животной жизнью. Въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ говорится о мертвой и живой водѣ. Изрубленный трупъ обрызганный мертвой водою срастается, и въ немъ обнаруживаются всѣ функціи физиологической жизни, но въ немъ еще не дѣйствуетъ психическое начало, онъ ничего не чувствуетъ, и только брызги живой воды возвращаютъ его къ сознательной жизни. Это сказаніе показываетъ, что уму человѣческому всегда было присуще представленіе различія между физиологическою и психическою жизнью—между растительными процессами и животными чувствованіями. Но хотя человѣкъ всегда сознавалъ это различіе,

онъ никогда не умѣлъ доказать его. Можетъ быть и растенія чувствуютъ и мыслятъ, еще пифагорейцы говорили о душѣ растеній, манихеи называли ее спящею, нѣкоторые новѣйшіе натуралисты считаютъ ее бодрствующею и нѣкоторые философы нашихъ дней повторяютъ манихеевъ. Въ такомъ случаѣ правы поэты, рассказывающіе намъ о любви лилеи и розы, о затаенныхъ думахъ лѣса, о душевной агоніи подрубленнаго дуба, и не поэтическую метафору, а голую правду мы должны видѣть въ словахъ поэта:

Полночь нѣмая была холодна,
Громко въ лѣсу мой вопли звучали,
И съ состраданьемъ, проснувшись отъ сна,
Старья сосны главами качали.

Но дѣло въ томъ, что поэты сами всегда признавали метафоричность своихъ выраженій и отсутствіе въ нихъ прозаической правды, и это всегда сознавали всѣ люди, и какъ бы не плѣнялъ насъ коверъ цвѣтовъ своею красотою и ароматомъ, мы всегда носимъ въ душѣ непоколебимую увѣренность, что въ маленькой козявкѣ, ползущей по кончику ногтя нашего пальца заключена безконечно большая способность чувствовать, чѣмъ въ громадной и роскошной клумбѣ цвѣтовъ или въ дремучемъ лѣсу. Мы предполагаемъ эту способность безконечно большею, потому что всякая величина, какъ бы она не была ничтожна въ нашихъ глазахъ, въ безконечно большее число разъ больше нуля.

Растенія не чувствуютъ—говорить общечеловѣческое сознание. Не отрицая этого, нѣкоторые мыслители признакъ безчувственности пытались распространить и на животныхъ. Это возрѣніе развилъ Декартъ. Для всѣхъ фізіологическихъ явленій онъ предполагалъ механическое объясненіе и за тѣми дѣйствіями животныхъ, за которыми мы предполагаемъ психическія состоянія и намѣренія, онъ не предполагалъ ничего. Всѣ такія дѣйствія онъ объяснялъ теоріей отраженныхъ движеній, т. е. рефлексовъ: движеній *undulati one reflexa*. Такъ, наприм., при видѣ страшнаго предмета, изображеніе котораго образуется въ мозгу, говоритъ Декартъ о чловѣкѣ, животныя силы нервной жидкости, отраженные изображеніемъ, направляются отчасти въ тѣ нервы, которые служатъ для того, чтобы повертываться спиной къ предмету и двигать ноги такъ, чтобы убѣжать. У другихъ лицъ, которыя имѣютъ храбрый темпераментъ, жизненные силы,

отраженные изображеніемъ, могутъ войти въ поры мозга, которыя ихъ приводятъ къ нервамъ способнымъ двигать руки, чтобы защищаться и такимъ образомъ проявлять храбрость. Изъ этого Декартъ заключаетъ, что еслибы человѣкъ обладалъ достаточными знаніями, онъ могъ бы сдѣлать автомата совершающаго всѣ функции человѣческаго тѣла и способнаго даже отвѣчать криками и движеніями на удары и угрозы. Декартъ употребляетъ при этомъ такое сравненіе. Во вкусѣ времени было устраивать въ княжескихъ садахъ гроты и фонтаны, въ которыхъ только одна сила воды заставляла машины двигаться, играть на инструментахъ и даже произносить слова. Входили въ гротъ — и купающаяся Діана убѣгала. Декартъ сравниваетъ нервы съ трубками машинъ въ этихъ фонтанахъ, мускулы и сухожилія съ различными снарядами и пружинами, служащими для того, чтобы ихъ двигать, нервную жидкость съ водой, которая приводитъ ихъ въ движеніе. Внѣшніе предметы, которые однимъ своимъ присутствіемъ дѣйствуютъ на органы чувствъ и которые этимъ способомъ опредѣляютъ различнаго рода движенія, похожи на тѣхъ незнакомцевъ, которые, входя въ эти гроты, сами причиняютъ, не думая объ этомъ, движенія, которыя происходятъ въ ихъ присутствіи, потому что они не могутъ туда войти безъ того, что бы не ходить по нѣкоторымъ плитамъ, такъ расположеннымъ, что онѣ производятъ то или другое движеніе ²⁾). Декартъ иллюстрировалъ свою теорію примѣрами на человѣкѣ, но онъ приложилъ ее только къ животнымъ. Чувства гнѣва и страха, удовольствія и страданія, привязанности и отвращенія, которыя, мы видимъ, обнаруживаются у животныхъ, на самомъ дѣлѣ, по Декарту, только своеобразныя движенія мускуловъ, вслѣдствіе которыхъ глаза выпячиваются изъ орбитъ, поднимается шерсть, виляетъ хвостъ, выпускаются когти, оскаливаются

²⁾ Фулье, Декартъ. Переводъ подъ редакціею Грота. 1894 г. Исполнившееся трехсотлѣтіе со времени рожденія Декарта (Декартъ родился въ 1596 году) обязываетъ, конечно, вспомнить о его заслугахъ, а не о его заблужденіяхъ. О его заслугахъ въ области физики и философіи и вспомнили русскіе философы, какъ о нихъ вспомнили французскіе. Мы же съ своей стороны отмѣтимъ, что и своею своеобразною, хотя и ошибочною теоріею объ автоматизмѣ животныхъ, Декартъ далъ плодотворный толчекъ къ развитію физиологическихъ знаній, а слѣдовательно и къ подготовленію матеріала для правильнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи жизни. И Декартъ не ограничился тѣмъ, что поднялъ вопросъ, онъ самъ экспериментально изслѣдовалъ его. Заслуги Декарта, какъ физиолога, высоко цѣнили такой компетентный біологъ, какъ Гексли.

зубы и т. д. Никакого душевнаго содержанія не скрывается за этими движеніями, животныя не страдают и не наслаждаются, поэтому животныхъ можно бить и не должно насколько смущаться, если они будутъ издавать крики страданія, за этими криками не скрывается ничего точно такъ же, какъ ничего не скрывается за жалобными завываніями осенняго вѣтра или за плачемъ мелкаго осенняго дождя. Говорять, что добрыйшій Малебраншъ, исходя изъ этихъ началъ, безвинно колотилъ собаку, думая, что она не ощущаетъ боли. Будемъ надѣяться, что этого не было. Есть убѣжденія, которыя не могутъ поколебать никакіе силлогизмы и никакая философія: никакіе доводы детерминистовъ не отнимутъ у человѣка сознанія, что онъ свободенъ, никакая механическая физиологія не помѣшаетъ ему чувствовать присутствіе души у животныхъ, и никакая возвышенная поэзія не воспрепятствуетъ ему отрицать ее у растеній.

Естествознаніе знаетъ такія формы бытія, относительно которыхъ возможны споры — представляютъ ли они собою просто неорганическую смѣсь, или растенія, или животныя? Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы между неорганическимъ бытіемъ, растеніями и животными не существовало рѣзкаго различія, мы указали признакъ характеризующій органическій міръ и признакъ спеціально характеризующій міръ животныхъ, эти признаки могутъ быть едва замѣтными, даже неуловимыми для человѣческаго зрѣнія, но во всякомъ случаѣ только на основаніи ихъ кусочекъ вещества относится къ тому или другому царству. Вопросъ о происхожденіи этихъ признаковъ и есть вопросъ о происхожденіи растительной и животной жизни. Какъ возникъ нѣкогда признакъ животности — ощущение? Многіе изъ современныхъ философовъ и большинство современныхъ натуралистовъ полагаютъ, что, разъ частицы матеріи приведены въ извѣстное сочетаніе, въ получившемся сложномъ цѣломъ возникаетъ ощущение, и что въ такое сочетаніе частицы матеріи впервые были приведены чисто механическимъ способомъ. Такъ думаютъ всѣ дарвинисты. На самомъ дѣлѣ, еслибы они допускали возможность того, что первыя 4—5 органическихъ особей были непосредственно сотворены Творцомъ — возможность чего сначала и совершенно неискренно допустилъ Дарвинъ, — они лишили бы себя возможности стремиться къ достиженію двухъ преслѣдуемыхъ ими цѣлей — свести весь органическій міръ къ един-

ству (тогда началъ у него оказалось бы 4 или 5) и истолковать его происхождение механическимъ способомъ — воздѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ (тогда у организмовъ оказались бы органическіе импульсы), поэтому они и не дѣлаютъ такого допущенія. Но и признавая естественное происхождение организмовъ, мыслители расходятся въ пониманіи того, какъ представлять это происхождение. По мнѣнію однихъ, ощущение есть функція матеріи, движеніе какимъ-то образомъ превращается въ матеріи въ чувствованіе подобно тому, какъ теплота превращается въ электричество. Зарожденіе животной жизни по этой теоріи есть фактъ превращенія энергіи. Спенсеръ обнаруживаетъ колебанія — принять или не принять ему это воззрѣніе. По мнѣнію другихъ ощущение вообще присуще матеріи, оно есть одна изъ сторонъ того же самаго бытія, другою стороною котораго является геометрическое протяженіе. Но ощущение разсѣяно въ матеріи такъ, что вообще оно въ ней почти неуловимо и неощутимо, нужно сконцентрировать это ощущающее начало особеннымъ образомъ, чтобы оно проявило себя, особенныя сочетанія матеріи, которыя называются животными организмами и представляютъ собою локализацию всеміроваго психическаго начала, и чѣмъ совершеннѣе этотъ организмъ, тѣмъ интенсивность этого начала въ немъ болѣе и тѣмъ его душевная жизнь ярче. Таково другое воззрѣніе, есть еще третье. Согласно послѣднему, психическое начало входитъ въ матеріальную форму извнѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Разъ матеріальныя частицы приняли форму животнаго организма, въ нихъ входитъ животная душа и живетъ и дѣйствуетъ въ нихъ до того момента, когда матеріальныя частицы перестанутъ отправлять фізіологическія функціи. По этой теоріи, животный организмъ притягиваетъ къ себѣ находящуюся гдѣ-то, можетъ быть въ четвертомъ измѣреніи, душу точно такъ же, какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ частицы желѣза. Но это воззрѣніе, допуская съ внѣшней стороны естественное происхождение животныхъ организмовъ, не отождествляетъ душу съ матеріей, оно рѣзко раздѣляетъ ихъ и потому должно быть названо дуалистическимъ. Воззрѣніе, предполагающее ощущение присущимъ матеріи, называется гилозоистическимъ; взглядъ, по которому ощущение есть функція матеріи, издавна получилъ имя материалистическаго.

Но все равно — материалистъ, гилозоистъ или дуалистъ, разъ они взялись объяснить намъ происхождение животнаго

мира, обязаны намъ показать не только то, какъ механическія начала произвели животный организмъ, но и то, какъ въ этомъ организмѣ стало проявлять себя психическое начало: путемъ ли превращенія энергіи, концентраціи или притяженія — животное стало чувствовать боль или испытывать удовольствіе; къ задачѣ найти происхожденіе органической жизни здѣсь присоединяется другая — найти происхожденіе психической жизни. Такъ, кромѣ жизни растительной, оказывается, существуетъ еще жизнь животная. Содержаніе этой животной жизни не сложно: она состоитъ въ испытываніи пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій и въ большемъ или меньшемъ умѣньи пріобрѣтать нужное для того, чтобы испытывать первыя, или избѣгать того, что вызываютъ вторыя. Различіе вкусовъ и различіе пріемовъ для удовлетворенія этихъ вкусовъ даютъ основаніе для классификаціи животныхъ въ психическомъ отношеніи. Но при изслѣдованіи вопроса о происхожденіи психической жизни нѣтъ нужды останавливаться на этомъ различіи, разъ оно представляетъ собою модификаціи одного начала — ощущенія. Изслѣдователь вопроса о происхожденіи жизни на землѣ обязанъ, покончивъ съ растеніями и животными, дать себѣ отчетъ въ томъ — нѣтъ ли на землѣ еще какихъ-либо явленій жизни кромѣ факта роста и ощущеній, и онъ найдетъ на этотъ вопросъ отвѣтъ въ самомъ себѣ: кромѣ жизни растительной и животной на землѣ есть еще жизнь человѣческая. Какъ всегда человѣкъ сознавалъ различіе между растеніемъ и животнымъ, такъ онъ всегда сознавалъ различіе между животнымъ и собою. Древніе греки называли животныхъ *ἄλογα*, что значитъ, что животныя безсловесны и безразумны. Животныя не владѣютъ способностію рѣчи, онѣ издають звуки, выражающіе чувства удовольствія и страданія, онѣ кричатъ отъ страха и крикомъ извѣщаютъ о найденной добычѣ или о приближеніи врага; между животными есть способныя говорить, каковы попугаи, скворцы (даже тюлени въ родѣ бывшаго на нижегородской выставкѣ) и однако признаковъ безсловесія всегда и безспорно приписывался животнымъ. Немного лѣтъ тому назадъ въ заграничной печати появилось сообщеніе, что какой то путешественникъ въ Африкѣ изучаетъ языкъ гориллъ, этотъ путешественникъ будто бы сдѣлалъ себѣ желѣзную клѣтку и, помѣстившись въ ней въ дремучемъ африканскомъ лѣсу, слышалъ бесѣды гориллъ, пребывавшихъ на свободѣ. Сообщали, что онъ узналъ много словъ горильскаго

языка. Нѣкоторые русскіе журналы и газеты, нисколько не подозрѣвавшіе о своей солидарности съ дешевыми юмористическими листками, перепечатали это извѣстіе. Нѣкоторые современные ученые въ животномъ эпосѣ, т. е. въ поэтическихъ произведеніяхъ народа, въ которыхъ дѣйствующія лица суть животныя, одаренныя всѣми человѣческими способностями, видятъ доказательство, что нѣкогда человѣчество не приписывало животнымъ признака безсловесія и не противопоставало животныхъ себѣ въ психическомъ отношеніи. Въ библейскихъ сказаніяхъ о змѣѣ, соблазнившемъ Еву и объ ослицѣ Валаама видятъ отголосокъ животнаго эпоса. Чтобы быть послѣдовательными, эти ученые и Гете за его Рейнеке-лиса должны обвинить въ незнаніи того, что животныя безсловесны. Но на самомъ дѣлѣ все это чистый вздоръ: никакого путешественника познакомившагося съ языкомъ гориллы не было, и мало мальски разсудительный человѣкъ, вникнувъ въ народныя сказанія о животныхъ, говорящихъ по-человѣчески, увидитъ, что народъ всегда признавалъ животныхъ безсловесными. Повѣствуя о воронѣ, говорившемъ человѣческимъ голосомъ и вѣря этому повѣствованію (правдивость сказокъ и басенъ народъ отрицаетъ), народъ смотритъ на этого ворона, какъ на чудо, и тѣмъ самымъ, значить, отрицаетъ, чтобы воронамъ вообще была присуща способность говорить. У всѣхъ людей и всегда было убѣжденіе, что животныя безсловесны и это убѣжденіе имѣло для себя основаніе въ сознательномъ или безсознательномъ отрицаніи у животныхъ психической способности, обуславливающей даръ слова. Мы полагаемъ, что животныя не могутъ говорить, потому что не владѣютъ сознательнымъ мышленіемъ, мышленіе животныхъ безсознательно. Разъяснимъ различіе между сознательнымъ и безсознательнымъ мышленіемъ. Положимъ, мнѣ сообщили широты Москвы ($55^{\circ} 45' 13''$) и Парижа ($48^{\circ} 50' 2''$) и разность ихъ долготъ ($35^{\circ} 17' 30''$); пользуясь формулами сферической тригонометріи, я на основаніи этихъ данныхъ легко вычисляю, что разстояніе между данными городами равно 2478 километрамъ (около 2400 верстъ). Я представляю себѣ ясно, какимъ образомъ у меня получился этотъ числовой результатъ и на какихъ основаніяхъ я долженъ признать его правильнымъ. Въ то время, какъ я мыслить, процессы моего мышленія были наблюдаемы мною. Это — мышленіе сознательное. Теперь представимъ другой примѣръ. Я бѣгу по лугу, мнѣ встрѣчается на

пути канава, я замедляю на мгновенное движение, затѣмъ дѣлаю прыжокъ и оказываюсь по другую сторону канавы. Для того, чтобы сдѣлать совершенный прыжокъ, я долженъ былъ подумать о ширинѣ канавы, о томъ усилии, какое я долженъ употребить для того, чтобы перепрыгнуть ее, моя воля должна была дать рѣшеніе на то, чтобы такое усиліе было совершено, и уже послѣ этого долженъ былъ послѣдовать прыжокъ. Но въ своемъ сознаниі я не наблюдалъ психическаго процесса, который привелъ меня къ указанному физическому дѣйствию, онъ происходилъ гдѣ-то внѣ поля зрѣнія моихъ духовныхъ очей, и для моего наблюденія оказался доступнымъ лишь его результатъ. Это—мышленіе безсознательное, оно называется безсознательнымъ, потому что не сознается мыслящимъ. Человѣкъ пользуется и сознательнымъ и безсознательнымъ мышленіемъ и не трудно путемъ самонаблюденія убѣдиться, что на долю послѣдняго приходится наибольшая часть логической жизни. Животное владѣетъ исключительно безсознательнымъ мышленіемъ. Лань, преслѣдовавшаяся собаками и прыгнувшая черезъ пропасть, безъ сомнѣнія совершила сложный процессъ умозаключеній прежде, чѣмъ сдѣлать свой отчаянный прыжокъ. Но объ этомъ логическомъ процессѣ лань никогда не узнаетъ, какъ никогда не узнаетъ слѣпой отъ рожденія старикъ, что въ юности его кудри были черны какъ смоль, и потомъ стали бѣлы, какъ снѣгъ. Смотря на боль и игры животныхъ, мы можемъ видѣть очень сложные маневры и приемы, о которыхъ никто не скажетъ, что они совершаются инстинктивно или что они явились плодомъ сознательнаго размышленія; нѣтъ, животныя прибѣгаютъ къ этимъ приемамъ, потому что путемъ безсознательныхъ логическихъ процессовъ пришли къ безсознательному признанію ихъ цѣлесообразности. Какъ сознательное, такъ и безсознательное мышленіе можетъ приводить къ ошибкамъ, поэтому человѣкъ приходитъ къ истинѣ или заблужденію двумя путями, а животное только однимъ. Не имѣя сознательнаго мышленія, животное не можетъ имѣть и языка. Въ словахъ языка выражаются логическія отношенія между понятіями, но животное, владѣя лишь безсознательнымъ мышленіемъ, никогда не наблюдаетъ такихъ отношеній и потому не можетъ выразить ихъ въ звукахъ; какъ слѣпой не можетъ написать трактата по оптикѣ, такъ животное не можетъ создать языка. У животныхъ не можетъ быть теоріи логики, какъ у слѣ-

ныхъ не можетъ быть теоріи цвѣтовъ, и потому мы должны разсуждать такъ, что осель не можетъ написать логики, не потому что онъ глупъ, но потому, что онъ никогда не наблюдалъ логическихъ процессовъ; результаты логическихъ выводовъ являлись для его наблюденія всегда *ex abrupto*, какъ *ex abrupto* являются для насъ театральныя превращенія на сценѣ, механизмъ которыхъ скрытъ за кулисами.

Сознательнымъ мышленіемъ однако не исчерпывается то различіе, существованіе котораго между животными и собою всегда признавалъ человѣкъ. Указанное различіе рѣзко и очевидно, но повидиму люди никогда не считали его главнѣйшимъ: имя скотовъ давали людямъ извѣстнымъ, какъ ораторы и писатели, и даже не колебались названіе свиньи усвоить тѣмъ, сила мышленія которыхъ никѣмъ не оспаривалась. Говорятъ, что человѣкъ издавна считалъ себя царемъ природы, вѣнцомъ творенія, былъ убѣжденъ, что все сотворено «его ради» и современные ученые усиленно стараются доказать, что человѣкъ ошибался, они поучаютъ человѣка, что земля не представляетъ собою центра вселенной, что созданія земли живутъ сами для себя, а не для человѣка, что красивая окраска цвѣтовъ существуетъ для привлеченія насѣкомыхъ, а не для услажденія человѣка и т. д. Эти разсужденія представляютъ собою плохую философію природы и обнаруживаютъ полное непониманіе человѣка. Не въ своей силѣ, не въ своей свободѣ, не въ своей царственной власти надъ природою человѣкъ издавна полагалъ свое отличіе отъ животныхъ и свое превосходство надъ животными, пѣтъ, такое отличіе онъ всегда полагалъ въ сознаніи своей подчиненности. Никакое изъ созданій живущихъ на землѣ, кромѣ человѣка, не признаетъ никакихъ иныхъ законовъ кромѣ естественныхъ, только духу человѣческому открываются непосредственно законы духовныя, подчиняться которымъ онъ считаетъ себя обязаннымъ. Человѣкъ сознаетъ, что въ своемъ поведеніи онъ долженъ подчиняться нѣкоторымъ высшимъ законамъ, что не все—равно полезное—одинаково позволительно и не все дѣйствительное законно, человѣкъ отрицаетъ то, что есть, во имя того, что должно быть. Человѣкъ имѣетъ представленія о вещахъ: однѣ изъ этихъ представленій онъ считаетъ истинными, другія ложными, онъ полагаетъ, что должно вторыя замѣнять первыми и заботиться объ умноженіи этихъ первыхъ; вещи, смотря по ихъ формѣ, онъ раздѣ-

ляетъ на красивыя и безобразныя и признаетъ, что онѣ должны воплощаться въ красивой формѣ, наконецъ дѣйствія людей онѣ подраздѣляетъ на добрыя и злыя и считаетъ обязанностію людей производить исключительно первыя. Такъ, менѣе другихъ подчиненный власти природы, человѣкъ оказывается подчиненнымъ присущимъ его душѣ высшимъ стремленіямъ и признаваемой имъ высшей власти. Всегда и вездѣ, мы видимъ, человѣкъ пытался вступать во взаимоотношенія съ высшею властью, и эти взаимоотношенія названы религіею. Животныя отличаются отъ растений съ внѣшней стороны тѣмъ, что способны издавать звуки ¹⁾, съ внутренней тѣмъ, что имѣютъ ощущенія; человѣкъ съ внѣшней стороны отличается отъ животныхъ тѣмъ, что имѣетъ языкъ, съ внутренней тѣмъ, что имѣетъ религію. Животныя имѣютъ жизнь душевную, человѣкъ имѣетъ жизнь духовную. Какъ между растениями и животными нѣтъ связывающаго звена, такъ нѣтъ его и между животными и человѣкомъ: нельзя расположить животныхъ въ психическомъ отношеніи на такой лѣстницѣ, чтобы они постепенно приближались къ человѣку; не видно, чтобы чимпанзе былъ болѣе способенъ усвоить языкъ, чѣмъ муравей, или чтобы орангъ былъ болѣе способенъ подчиняться требованіямъ идеаловъ, чѣмъ ящерица. Откуда же явилась такая форма жизни, какъ человѣческая, откуда явилось представленіе о долгѣ и умѣнье выразить это представленіе въ словѣ? Если эта жизнь духа есть та же самая, которая слабо теплится въ стерляди и анчоусѣ, то пусть объясняющіе, какъ произошла жизнь, покажутъ намъ какъ изъ послѣдней вышла первая? ²⁾.

¹⁾ Намъ могутъ возразить, что и растения издають звуки: лѣсъ шумитъ, деревья скрипятъ; устраиваются такія искусственныя условия, при которомъ растеніе само звономъ извѣщаетъ о томъ, какъ идетъ его питаніе. Съ другой стороны есть множество животныхъ не издающихъ звуковъ, и даже въ классѣ позвоночныхъ у многихъ предполагають совершенное отсутствіе органа слуха (наприм., у золотыхъ рыбокъ). Мы отвѣтимъ на это, что растенія издають звуки подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ, а животныя издають ихъ по собственному начинанію. Неважно—будутъ ли они извлекать ихъ изъ своего голосоваго аппарата или механическими приѣмами. Всѣ согласны въ томъ, что животныя способны къ произвольному движенію, а произвольное движеніе всегда можно переводить въ произвольные звуки. Музыка кузнечиковъ, происходящая отъ трѣнія ихъ крыльевъ, инструментальная, а не вокальная, но никто конечно, не станетъ отрицать, что кузнечики способны производить звуки.

²⁾ Мы не будемъ въ дальнѣйшемъ разсужденіи разсматривать современное состояніе вопроса о возможности просхожденія души человѣческой путемъ эволюціи изъ души животной. Это было сдѣлано нами

Человѣческое сознаніе всегда различало три типа жизни на землѣ: растительную жизнь, животную и человѣческую. Непосредственное сознаніе никогда не обнаруживало тѣхъ колебаній въ классификаціи типовъ жизни, какія въ настоящее время часто обнаруживаетъ ученое мышленіе. Люди здраваго смысла никогда не говорили, что между сѣменемъ, годы лежавшимъ безъ проростанія, и минераломъ нѣтъ различія, потому что въ томъ и другомъ нѣтъ явленій жизни, различіе между ними, разъ въ сѣмени не начались процессы разрушенія, заключается въ томъ, что растительное сѣмя носить въ себѣ потенцію жизни, которая при благопріятныхъ условіяхъ перейдетъ въ дѣйствительность, а въ минералѣ нѣтъ этой потенціи. Замороженная лягушка и застывшая муха остаются животными, хотя и не имѣютъ ощущеній, въ нихъ таится потенція жизни, которая подъ дѣйствіемъ тепла и станетъ дѣйствительной жизнью. Разумный человѣкъ никогда конечно не скажетъ, сославшись на покоющія сѣмена или на оцѣпенѣвшую лягушку, что между органическимъ и неорганическимъ міромъ нельзя провести рѣзкаго различія, что есть растенія, которыя не питаются и не уподобляютъ себѣ окружающую среду, и существуютъ животныя, которыя не ощущаютъ. Точно также разумнымъ людямъ не слѣдовало бы говорить, что, такъ какъ существуютъ дѣти, идіоты и дикари, то между человѣкомъ и животнымъ не можетъ быть проведено рѣзкаго разграничительнаго различія. Нѣтъ, и въ дѣтяхъ, и въ идіотахъ и въ дикаряхъ таится потенція жизни, которая въ однихъ случаяхъ перейдетъ и въ другихъ не перейдетъ въ дѣйствительность и которой совершенно нѣтъ у животныхъ, и на основаніи существованія этой потенціи мы признаемъ существованіе непереходимой грани между несчастнымъ веддомъ и собако-головымъ павіаномъ.

въ изслѣдованіи „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго“ и въ нѣкоторыхъ, дополняющихъ это изслѣдованіе работахъ. Дальнѣйшее изученіе фактовъ и размышленіе, утверждая насъ въ несомнѣнной истинности нашего основнаго положенія (о сверхъестественномъ происхожденіи человѣчества), вмѣстѣ съ тѣмъ привело къ сознанію, что для этого положенія могутъ быть представлены болѣе прочныя и ясныя доказательства, чѣмъ тѣ, какія были представлены досель. Мы будемъ счастливы, если хотя бы черезъ нѣсколько лѣтъ — намъ удалось представить изложеніе нѣкоторыхъ изъ таковыхъ доказательствъ, но въ настоящемъ трудѣ мы ограничиваемся лишь тѣмъ, что указываемъ на вопросъ о происхожденіи человѣка, какъ входящій въ составъ вопроса о происхожденіи жизни. Существуютъ три типа жизни: плоть, душа и духъ, и потому, говоримъ мы, вопросъ о происхожденіи жизни распадается на три вопроса.

Признавая три типа жизни на землѣ, человѣчество никогда не признавало ихъ болѣе трехъ типовъ, оно мало размышляло съ древности надъ тѣмъ, какъ произошли тѣ или другія формы растительной или животной жизни и, если такіе вопросы возникали, легко сочиняли на нихъ отвѣты. Эти отвѣты служили и служатъ матеріаломъ для поэтическихъ произведеній, которыми—въ родѣ сказанія о происхожденіи нарцисса—мы всѣ услаждались и будемъ услаждаться, но они не могутъ служить руководящимъ началомъ для дѣйствительнаго рѣшенія вопроса. Такихъ началъ найдено еще очень немного. Строго научно вопросъ о происхожденіи видовъ поставленъ только недавно и не XIX-му вѣку суждено увидѣть его рѣшеніе. Пока преждевременно даже подводить итоги. Но вопросъ о происхожденіи жизни поставленъ давно и надъ рѣшеніемъ его много трудились. Мы выяснили, какъ по нашему разумнію его должно ставить. Теперь посмотримъ, какъ его ставили и какъ на него отвѣчали.

С. Глаголевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки